

Лейкин Николай Александрович

Деревенская аристократия

Очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Деревенская аристократия: Очерки / Лейкин Николай Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 211 с.

ISBN 978-5-519-92952-3

ISBN 978-5-519-92952-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Не скоро выйдетъ. Еще и не просыпался, говоритъ онъ.—Потомъ будетъ чай пить. Работница говоритъ, что вчера въ Облесиху ѣздилъ. Барченко тамъ хвораешь. И пріѣхалъ домой ночью пьяный. «Чаю, говоритъ, напьется—похмеляться будетъ и ужъ потомъ выйдетъ».

— Ахъ, казія! И никогда къ этому фельдшеру во время не поспѣешь! вздыхаетъ, покачивая головой, баба.—То рано, то поздно. Рано пріѣдешь—спитъ, поздно пріѣдешь—уѣхалъ. Вотъ оспу ребенку прививать, такъ я, вѣрите-ли, три раза... И все не въ часъ... А мы тоже не близко мѣсто живемъ. Васемнадцать верстъ.

— Крюковскіе? спрашиваетъ парень.

— Изъ Крюкова. Знато-бы да вѣдано, такъ на заводъ мнѣ его везти... киваетъ на стонущаго мужа баба.—Оно хоть до завода отъ насъ двадцать шесть верстъ, а все лучше. Одно только, что меньше рубля заводскій-то фельдшеръ не беретъ.

— И къ этому безъ двугривеннаго не подступайся. Затопаетъ ногами—«вонъ, вонъ!» А вѣдь земскій, такая его обязанность, чтобы даромъ лечить.

— Да и этому дала-бы полтину, только-бы вышла скорѣй да посмотрѣлъ, что такое у мужа. Ужъ хоть-бы порѣшилъ, по крайности. Ну, скажи онъ прямо—сломана, такъ все легче. А то вѣдь въ неизвѣстности. Хруститъ у тебя кость-то, Павтелеюшко?

— Хруститъ. Уберите пѣтуха-то. А то онъ все сползаетъ на ногу. Положите въ задъ. Лапки связаны, да голова-то не связана. А онъ меня, нѣтъ-нѣтъ, да и долбанетъ въ ногу...

Баба перекладываетъ пѣтуха. Пѣтухъ подаетъ голосъ.

— Работницѣ евоной развѣ его отдать? бормотала она.—Да нѣтъ, надо ужъ самому фельдшеру въ ру-

ки, а то работница перевереть и фельдшеръ будетъ думать, что пѣтухъ отъ кого-нибудь другаго. У тебя, паренекъ, что съ рукой-то?

— Два крючка рыболовныхъ въ ладонь засѣло. Въ самомъ-то мясѣ и сидятъ. Пробовали тянуть—ни въ задъ, ни впередъ. Ставили мы тутъ переметь черезъ рѣку на ершей... Ужасъ, какъ вспухла рука...

— Храни Богъ... Рѣзать, поди, придется?

— Страсть, какъ боюсь... жметъ парень.—Главная статья, что у меня денегъ-то всего двѣнадцать копѣекъ, а у него положеніе двугривенный. Рыбы-бы привезть,—какъ на грѣхъ, рыбы нѣтъ, не наловили. Вдругъ осердится за двѣнадцать копѣекъ, начнетъ рѣзать, да на зло какую-нибудь жилу и перерѣжетъ.

— Ну, вотъ... Вѣдь ужъ не татаринъ, не живодеръ. Чай, на немъ тоже крестъ есть, говорить баба.

— Мужики вонъ рассказываютъ, что бывало съ нимъ такъ-то. Озорничалъ. Пришелъ тутъ къ нему, говорятъ, одинъ изъ Куваевки. Парень бойкій, грамотный. «Вы, говоритъ, земскій фельдшеръ, вы, говоритъ, обязаны даромъ, потому такая ваша обязанность, чтобъ нашего брата лечить!» «А! даромъ, говоритъ?... Хорошо. Покажи, что у тебя тако? Такъ... Вотъ, говоритъ, тебѣ лекарство. Пей». Тотъ пьитися, не пьетъ, потому боится. «Нѣтъ, говоритъ, пей, а то я за урядникомъ пошлю и мы тебя силой заставимъ выпить, потому у тебя болѣзнь заразительная. Кромѣ того, говоритъ, тебя надо въ холодной три дня выдержать, чтобы ты съ народомъ не прикасался. Пей, говоритъ, а то сейчасъ за урядникомъ пошлю!» Ну, парень видитъ, что лучше ужъ выпить. Выпилъ онъ и какъ принялось его рвать! Рвало, рвало... Побѣжалъ домой. А фельдшеръ ему кричитъ: «и всѣ у

насъ даровыя средства такія! Ты и другимъ скажи».

— Озорникъ! качаетъ головой баба.

— Вотъ и я боюсь, чтобы за двѣнадцать-то копѣекъ какъ-нибудь не съозорничалъ онъ мнѣ съ рукой-то.

Изъ воротъ фельдшерава дома вышла босонгая работница съ ведрами на коромыслѣ и поплелась къ колодцу.

— Милая, умница! Нельзя-ли какъ-нибудь фельдшера-то сейчасъ разбудить? крикнула ей баба.—Ты скажи, что молъ пріѣхали изъ Крюкова... Очень, молъ, недужится мужчинѣ... Ногу повредилъ... Кость... И что, молъ, полтинникъ и пѣтуха дадутъ, только-бы онъ поскорѣй посмотрѣлъ. Полтинникъ... Даже три двугривенныхъ дадимъ. Ты такъ и скажи.

— Ладно, я скажу сейчасъ самой. Сама у насъ ужъ проснувшись, отвѣчаетъ работница.

— Пожалуйста, милушка. Я и тебѣ три копѣечки на зернушки. Погрызи на здоровье.

— Ладно, ладно... Вотъ только воды зачерпну.

У мужиковъ движеніе.

— Проснулся, кажется... Вотъ въ окошкѣ занавѣску отдернули... слышится у нихъ.

II. Медицинская помощь.

Земскій фельдшеръ Хрисанфъ Аверьянычъ Лукошкинъ, среднихъ лѣтъ мужчина, съ фizioномією, напоминающею унтеръ-офицера николаевскихъ временъ, лишь только проснулся и, напаяливъ на себя халатъ, показался у окна избы, какъ уже ожидавшіе его на улицѣ паціенты засуетились и заговорили:

— Проснулся... Наконецъ проснулся!

Недужныя бабы тотчасъ-же схватились за принесенныя съ собой кошелки съ яйцами или грибами. Изъ телѣгъ начали вытаскивать пѣтуховъ съ связанными ногами, цыплятъ. Было девять часовъ утра. Фельдшеръ началъ не вдругъ принимать больныхъ. Сначала онъ сѣлъ у окна, закурилъ папиросу, затянулся и закашлялся. Кашлялъ онъ долго, держась за грудь, харкалъ, плевалъ и говорилъ:

— О, Господи! Вѣдь это катарръ.. Настоящій катарръ... Катарръ всѣхъ слизистыхъ оболочекъ. Хрр... Тьфу! Положительно хроническій катарръ...

— Меньше-бы водищи трескалъ, такъ и катарра-бы не было, откликнулась жена, заваривавшая чай у самовара.

— Чѣмъ водкой-то попрекать—лучше-бы двууглекислой соды сюда подала. Мало ты сама-то пивища трескаешь!.. Кхх... Хрр... Тьфу! Дай сюда платокъ носовой. Видишь, я и кашляю, и чихаю, а мнѣ и утереться нечѣмъ.

Перекошенное отъ вчерашней выпивки лицо фельдшера побагровѣло. Глаза налились кровью, на вискахъ показались синія, толстыя, какъ здоровая веревка, жилы.

— Тащи соды-то скорѣй! Да и платокъ захвати! крикнулъ онъ женѣ и сталъ соображать:— Ипекакуаны вмѣстѣ съ содой принять, что-ли? А то доверовъ порошокъ у насъ есть—такъ его развѣ хватить? Дѣйствительно, я вчера переложилъ лишнее на визитѣ-то. Да еще дернула нелегкая ночью на постоянные дворы заѣзжать и тамъ прикладывать. Кхх... Хрр... Тьфу!

Жена принесла банку соды. Фельдшеръ высыпалъ себѣ малую толику на ладонь и, не разбавляя соду водой, отправилъ ее въ ротъ и принялся жевать. Кашель мало по малу утихъ. Фельд-

шеръ опять закурилъ папиросу, отворилъ окно и крикнулъ ожидающимъ его паціентамъ:

— Эй! Народы египетскіе! Входите! Да сразу-то всё не лѣзьте, а входите по одному.

— Не вынуть мнѣ, батюшка Хрисанфъ Аверьянычъ, мужа-то изъ телѣги. Нога сломана, кажись, у него. Переступить не можетъ. Ты-бы сюда пожаловалъ, слышался голосъ бабы.

— Хирургическіе послѣ! Дожидайся своего термину! махнулъ рукой фельдшеръ.

— Я тебѣ, родимый, три двугривенничка и пѣтушка...

Фельдшеръ не отвѣчалъ.

Въ дверяхъ комнаты показался худой и блѣдный мужикъ въ сермягѣ и истоптанныхъ сапогахъ. Онъ держался обѣими руками за желудокъ.

— Ноги! Прежде всего оботри ноги! Какъ ты смѣешь въ такомъ видѣ въ чистую горницу входить! крикнулъ фельдшеръ, окинувъ взоромъ мужика. — Пошелъ назадъ!

Мужикъ попятился въ сѣни и черезъ нѣсколь-ко времени вернулся босой. Войдя въ комнату, онъ перекрестился на образъ и въ поясъ поклонился фельдшеру.

— Чѣмъ боленъ?

— Сердцемъ, батюшка, сердцемъ... Винтить вотъ тутъ подъ сердцемъ и подчасъ разогнуться не могу. То въ пояса, то въ бокъ... ни работать, ни что... Пятый день валяюсь. Сегодня сюда на силу доплелся.

— Покажи языкъ... Показывай, показывай... Чего ты боишься! Выставляй во всю... Ну, давай сюда руку...

Фельдшеръ сталъ щупать пульсъ.

— Знобитъ?

— Страсть. Сегодня всю ночь лихоманка тре-

пала... И на ёду не тянетъ. Ужь на что ситный... Кажется, кушанье прекрасное, а нѣтъ...

— Обожрался и простудился, глубокомысленно сказалъ фельдшеръ.

— Нѣтъ, надо полагать, надорвался, жилу внутреннюю вытянулъ, возразилъ мужикъ.

— Ну, ты меня не учи. Глаша! Поддай сюда банку съ глауберовой солью! крикнулъ фельдшеръ женѣ.

— Хинки-бы мнѣ... замѣтилъ мужикъ.

— Ага! Знаешь, что хина значитъ! Жирно будетъ, чтобы вашего брата хиной кормить. Ты знаешь, что хининъ-то стоитъ? Не про тебя онъ, косматая голова, писанъ. Глаша! захвати также банку салициловаго натра.

— Вѣсы подать? слышалось изъ другой комнаты.

— Не надо. Я такъ.

Жена подала двѣ банки съ налѣпленными ярлыками и притертыми пробками и сказала:

— Да напейся ты чаю-то прежде... Мужики подождутъ. Не горить у нихъ...

— Чаю выпью—мутить начнетъ. Я свою натуру знаю. Вотъ ежели-бы съ ромомъ...

— Ну, ужь не дамъ я тебѣ съ позаранку роману. Пей такъ чай. Горячее—хорошо.

— Ну, попробую. Тащи сюда стаканъ. А только при катаррѣ я свою натуру знаю...

— Не при катаррѣ это, а послѣ вчерашней выпивки. Какой домой-то вчера вернулся!

— Пошла вонъ!

На столѣ появился чай. Фельдшеръ между тѣмъ придвинулъ къ себѣ газетный листъ, оторвалъ отъ него клочъ бумаги и сталъ дѣлать два тюрючка.

— Вотъ этого перваго снадобья... Вотъ я его отмѣчу на бумагѣ крестомъ... сказалъ онъ мужику, всыпая въ тюрюкъ глауберовой соли.—Видишь?

— Вижу, батюшка.

— Вотъ этого снадобья съ крестомъ, ты, какъ придешь домой, всыплешь половину въ стаканъ или въ чашку, потомъ разболтаешь ложкой и выпьешь. Только половину въ стаканъ положишь. Слышишь?

— Слышу, кормилецъ.

— Ну, вотъ... А на слѣдующее утро вторую половину разболтаешь и выпьешь. Ты говоришь, у тебя ломота?

— И ломота, и на ѣду не тянетъ. Вотъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ, такъ вѣришь ты...

— Молчи. А вотъ и еще. Это снадобье будетъ безъ креста. Это снадобье, ты какъ придешь домой, принимай тоже въ водѣ по полъ-чайной ложкѣ. Чайная ложка дома есть?

— У сосѣдки, у Мавры Тимофѣевны можно спросить.

— Три раза въ день по полъ-чайной ложкѣ въ водѣ... Понялъ?

— Понялъ, милостивецъ.

— Ну, ступай.

Мужикъ поклонился, бережно взялъ въ шапку тюрючки и положилъ фельдшеру на столъ пятиалтынный. Фельдшеръ взглянулъ на монету и крикнулъ:

— Что мало даешь! Нешто положенія не знаешь?

— Поослабши мы, милый, крѣпко насчетъ денегъ-то поослабши. Я тебѣ тамъ грибовъ корзиночку принесъ и работницѣ сдалъ.

— Грибы грибами, а деньги деньгами. Поослабши! На кабакъ есть, а на убогоствореніе фельдшера нѣтъ. Намъ вѣдь въ земствѣ тоже не ахти сколько отваливаютъ. Изъ-за хлѣба на квасъ развѣ только хватить, а у меня жена молодая, дѣти. Ну, пошелъ вонъ и дня черезъ три, черезъ четыре опять приходи, ежели не полегчаетъ. Слѣдующій!

Косматый мужикъ ушелъ. Появился лысый мужикъ. Опять выкрикъ фельдшера: «Ноги! Ноги обтирай! Вѣдь тамъ вамъ, чертямъ, разослана рогожа!» Мужикъ удалился. Слышно было, какъ онъ долго шаркалъ ногами о рогожу. Наконецъ онъ снова появился и на этотъ разъ съ корзинкой брусники.

— Ягодки тутъ вашей милости... сказалъ онъ.

— Передай работницѣ. Аксиныя! Возьми...

— Корзиночку-то-бы мнѣ, голубчикъ, обратно...

— Хочешь лѣчиться и корзинку назадъ требуешь! Ахъ, ты, оглобля! Высыпь, Аксиныя, эту ягоду въ кадушку, отдавъ приказъ фельдшеръ появившейся работницѣ и, обратясь къ мужику, спросилъ:— Чѣмъ боленъ?

— Нутромъ... сердцемъ... Вотъ какъ подхватить.. Опять-же крошечки единой, чтобы въ ротъ взять—и то...

— Извѣстная пѣсня! Ну, довольно...

— Ни хлѣба, ни щей... Жена карасиковъ наловила и уху сварила, такъ и то...

— Довольно, говорятъ тебѣ! Покажи языкъ! Или нѣтъ, не надо. И такъ знаю... Вотъ я тебѣ дамъ два лекарства. Одно съ крестомъ, другое безъ креста. Только ты, смотри, не перепутай.

— Зачѣмъ перепутать!

Фельдшеръ высыпалъ въ тюрючки той-же глауберовой соли и того-же салициловаго натра и рассказалъ, какъ принимать. Мужикъ положилъ на столъ гривенникъ. Фельдшеръ покосился на монету и опять возмущился.

— И чего вы, черти, не доносите, сколько слѣдуетъ! Вѣдь ужъ у меня, кажется, положеніе извѣстное, чтобы двугривенный. Я вѣдь тебѣ, лѣшему, лекарства больше чѣмъ на двугривенный даю, прихвастнулъ онъ.

— Послѣ, благодѣтель, занесу, послѣ... Нѣту-

ти больше... Всего и былъ только пяталтынный, да попросилъ тутотка мужичка, чтобъ подвезъ онъ меня на телѣгѣ—ну, ему пятачекъ на стаканчикъ и прожертвовалъ, оправдывался мужикъ.

— Бери лекарство и проваливай! махнулъ рукой фельдшеръ.— Слѣдующій! Кто тамъ? Но прежде всего ноги отирай въ сѣняхъ.

— Отерла, голубчикъ, отерла. Даже тряпочкой отерла, слышался плаксивый женскій голосъ.

Вошла баба въ синемъ кафтанѣ, съ головою закутанная въ платокъ, остановилась около стола и стала мѣрно качать головой направо и налево и наконецъ заплакала.

— Нутромъ хворашь? спросилъ фельдшеръ.

— Нѣтъ, не нутромъ, а сердцемъ. Нутромъ хворала, но меня старуха, дай ей Богъ здоровья, въ банѣ поправила.

— Это то есть отъ женской болѣзни тебя старуха лечила?

— Да, отъ нашей бабьей болѣзни. И поправила она меня отъ нутра совсѣмъ, а вотъ теперь сердцемъ...

— Здѣсь, что-ли, болить?

Фельдшеръ указалъ на желудокъ.

— Тутотка, милостивецъ родимый. Ну, просто смерть моя. Да и лихорадка замучила. Пила я полынь, но и полынь не помогаетъ, записочки тутъ у насъ дьячекъ съ молитвой даетъ... Съѣла и записочку...

— На ѣду не тянетъ?

— Ни Боже мой...

— Въ поясахъ щемить?

— Страсть. Растиралась это я въ банѣ крапивою съ муравьинымъ спиртомъ.

— Клади двугривенный. Сейчасъ дамъ лекарство.

— Да нѣтути, голубчикъ, денегъ-то, ты ужъ не обезсудь.

— Ничего нѣтъ? Ахъ, народъ! Лѣзете за медицинскою помощью и не хотите исцѣляющую васъ руку поблагодарить! воскликнулъ фельдшеръ и покачалъ головой.

— Я тебѣ, кормилецъ, пяточекъ яиць...

— Что такое пяточекъ яиць! У меня свои куры несутся. Небось, когда старуха тебя въ банѣ правила, такъ вѣдь ты старухѣ дала хоть гривенникъ.

— Ни Боже мой... Старушкѣ я кончикъ холстинки... Старушка по веснѣ у меня ребенка приняла, такъ я ей и то...

— Ну, довольно, довольно. Вотъ тебѣ лекарство.

Фельдшеръ опять сдѣлалъ два тюрюка и началъ въ него всыпать глауберову соль и салициловый натръ, но задумался, высыпалъ глауберову соль обратно въ банку и крикнулъ женѣ:

— Глаша! Принеси сюда бутылку кастороваго масла и рюмку.

Появилась бутылка и рюмка. Фельдшеръ налилъ рюмку и сказалъ бабѣ:

— Пей!

Баба выпила. Послѣдовало наставленіе, какъ принимать салициловый натръ.

— Только ты смотри, сразу весь не выпей. Тутъ тебѣ разъ на двѣнадцать, прибавилъ фельдшеръ.

— Зачѣмъ сразу? Я понемножку...

— Ну, бери и съ Богомъ!..

Баба поклонилась, поцѣловала фельдшера въ плечо и проскользнула въ дверь. Показался блѣдный рыжій мужикъ въ лаптяхъ съ подвязанной тряпицей щекой и обмотанной полотенцемъ шеей.

— Хирургическій? Вонъ! Дожидайся, пока тебя позовутъ! кликнулъ на него фельдшеръ и принялся пить остывшій чай.